

УДК 141

**ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ
В КОНЦЕПЦИИ Ю.П. ЧЕРНОМОРЦА***С.В. Шкуро***Аннотация**

В статье предлагается критическое осмысление гипотезы современного украинского богослова и философа Ю.П. Черноморца относительно личности Дионисия Ареопагита и его богословского учения. Делается вывод об оригинальности и новаторстве концепции Черноморца, не лишённой в то же время ряда дискуссионных моментов. Разграничение онтологического и гносеологического аспектов даёт возможность уточнить предположение украинского исследователя об антиметафизичности ареопагитизма.

Ключевые слова: философия и богословие Средневековья, христианский неоплатонизм, ареопагитизм, Дионисий Ареопагит, *Corpus Areopagiticum*, Ю.П. Черноморец.

Corpus Areopagiticum (далее – Корпус) полон загадок. Много лет исследователей занимает вопрос о его авторстве, о целях мистификации с использованием в качестве псевдонима имени Дионисия Ареопагита – известной исторической личности апостольской эпохи. Остаются открытыми вопросы о точной датировке текстов Корпуса, о его первоначальном составе (*были ли какие-то тексты утрачены? если да, то какие именно?*), о богословской позиции автора по отношению к догматическим вопросам и литургической практике того времени (*был ли автор халкидонитом или антихалкидонитом? принадлежал ли он к монофизитским кругам?*), о связи автора с платонической традицией и т. п.

Внутренний пласт исследований Корпуса обнаруживается в западной мысли (см. [1, S. 146–208]). Серьёзное изучение сочинений Дионисия (или Псевдо-Дионисия) Ареопагита ведётся на Западе уже более столетия. Отправной точкой для активизации этого научного интереса можно считать работы немецких исследователей Коха и Штиглмайра, которым на основании скрупулёзного текстологического анализа удалось убедительно доказать, что Корпус был создан в V – VI вв. и был тесно связан с трудами поздних неоплатоников («В 1900 году Гуго Кох установил тесную связь “Корпуса” Дионисия с неоплатонической мыслью, а именно с Проклом, последним великим платоником Александрии» [2, с. 409]).

Если на Западе изучение Корпуса практически не прерывалось и там сложилась устойчивая исследовательская традиция, касающаяся и рукописных источников Ареопагитик, и текстологического анализа, и рассмотрения философско-богословских аспектов в широком культурном контексте, то в отечественной науке, к сожалению, о такой преемственности говорить не приходится.

В советские годы традиция изучения Ареопагитик была насильственно прервана, к Корпусу обращались в своих трудах прежде всего представители русской эмиграции (прот. Иоанн Мейендорф, прот. Георгий Флоровский, В.Н. Лосский), в том числе подпольной (А.Ф. Лосев). В современной России эта традиция только возрождается, о чём свидетельствует, в частности, появление на рубеже XX и XXI столетий первого издания полного текста Ареопагитского корпуса в переводе Г.М. Прохорова (в том числе параллельно с греческим оригиналом) [3]. О сколько-нибудь значительных отечественных исследованиях Ареопагитик пока говорить рано.

В этой связи ярким событием в православном богословии и религиозной философии можно считать выход в свет в 2010 г. монографии современного украинского богослова, доктора философских наук, известного специалиста по византийской философии Юрия Павловича Черноморца «Византийский неоплатонизм от Дионисия Ареопагита до Геннадия Схолария» (ЮЧ). Автор данного исследования предложил читателю оригинальную, смелую, новаторскую концепцию философско-богословского творчества Дионисия Ареопагита, рассмотренного на фоне многовековой византийской неоплатонической мысли. Поскольку монография издана на украинском языке и до сих пор, к сожалению, недоступна русскому читателю, позволим себе охарактеризовать основные положения этой достойной внимания концепции подробнее.

В первую очередь следует сказать о том, что Черноморец выдвигает любопытную (хоть и недоказанную) гипотезу: автором Ареопагитик был монофизит Иоанн Филопон (см. [4]). С этим связано и сомнительное предположение Черноморца о том, что Филопон специально упоминает о выдуманных им «Богословских очерках», где он якобы раскрыл учение о Христе и Троице: такая уловка должна ему помочь избежать нареканий и запретов со стороны как халкидонитов, так и монофизитов. Разумеется, это только одна (и не самая достоверная) попытка реконструкции первоначальной структуры Корпуса: мы можем лишь строить догадки о том, существовали ли на самом деле упомянутые в сочинениях Дионисия трактаты.

Но версия Черноморца относительно принципов построения Корпуса весьма интересна: Иоанн Филопон написал тексты Корпуса под псевдонимом потому, что не хотел выражать свои христианские взгляды открыто, ибо до 525 года имел надежду стать профессором философии и возглавить александрийскую школу неоплатоников. Он решил создать авторитетные тексты для занятий со студентами при изучении христианской неоплатонической системы, в центре которой должна стоять теология (трактат «О божественных именах»), предшествовать ей могли бы космология, антропология («О небесной иерархии») и этика («О церковной иерархии») как пропедевтические дисциплины, а для повторения и обобщения материала должны были служить сочинения в жанре посланий (трактат «О мистическом богословии» и письма). Таким образом, гипотеза Черноморца не предполагает включения в Корпус иных сочинений Дионисия.

Далее охарактеризуем философско-богословские взгляды Ареопагита в интерпретации украинского исследователя. Основу концепции составляет убеждение Черноморца в том, что именно с Дионисия начинается отсчёт мощное направление средневековой христианской мысли – *византийский неоплатонизм*,

охватывающий всю историю существования Византийской империи. Более того, *Corpus Areopagiticum*, по мнению Юрия Черноморца, это «сознательная и удачная попытка основать традицию христианского неоплатонизма» (здесь и далее перевод наш. – С.Ш.) (ЮЧ, с. 48).

Украинский учёный вслед за французскими историками философии (Жильсоном и др.) определяет богословие Ареопагитского корпуса как *антиметафизичное* (тео-онтологичное), то есть чуждое метафизической системности, не дающее какого-либо положительного целостного взгляда на Творца и творение. В ортодоксальные рамки «вернул» Дионисия прп. Максим Исповедник, создавший «новую метафизику, которая преодолела ареопагитизм, стала ключом для метафизичного понимания антиметафизичных Ареопагитик на долгие столетия» (ЮЧ, с. 52).

Заметим, что данное утверждение, очень смелое, следует, однако, признать спорным. Заявленный «антиметафизический скептицизм» Дионисия, выражающийся в его «радикальном апофатизме», то есть в отрицании возможности познать истинные свойства, сущность Создателя и мироздания, относится всё же к области гносеологии, а не онтологии. Между тем онтологический фундамент (и весьма серьёзный, хоть, может быть, и не целостный, не всесторонний) объединяет все тексты Корпуса: это христианский креационизм и трансцендентализм, дуалистическое учение о сотворении инобытия трансцендентным Богом, базирующееся на Священном Писании.

Вне всякого сомнения, Дионисий основывается на этой стержневой концепции, детально и весьма системно описывая иерархический принцип бытия. Можно ли говорить в таком случае об отсутствии у Дионисия метафизики как учения об основах мироздания только на том основании, что Ареопагит отрицает возможность полного, окончательного, абсолютного познания онтологических тайн Бога и Вселенной? Думается, что развиваемая в Корпусе теория символа, характеризующая специфически человеческий способ богословского познания, представляет положительную альтернативу самим же Дионисием утверждаемому апофатизму.

Важным моментом в концепции Черноморца можно считать попытку учёного вписать *Corpus Areopagiticum* в широкий неоплатонический контекст. Исследователь выделяет несколько присущих Корпусу специфических неоплатонических идей, наличие которых позволяет определить автора как христианского неоплатоника. Назовем наиболее значимые из этих идей.

Основополагающей является, естественно, идея *Божественной трансцендентности*: «Утверждение о трансцендентности Первоначала по отношению к сущности и существованию... становится характерной чертой неоплатонизма Ареопагитик» (ЮЧ, с. 87). Неоплатоники считали платоновское Благо трансцендентной и непознаваемой Причиной как идеальных, так и материальных основ бытия. Именно этот принцип, как было сказано выше, стал фундаментом и христианской метафизики Ареопагита: «В своей философской теологии неоплатоник Дионисий обращается к основным положениям онтологии Платона. Это отвечает общей направленности философии Ареопагита» (ЮЧ, с. 112).

Неоплатонической по своей сути можно назвать абсолютизацию понятия *Единое*, ключевого для онтологических и гносеологических представлений Ареопагита («Неоплатонизму мы обязаны утверждением Дионисия, согласно

которому человек осознаёт неестественным для себя существование в многообразии, а естественным – существование “единым” в единой направленности устремления к единому Богу» (ЮЧ, с. 100)). Учению Ареопагита присуща и апология *апофатического пути Богопознания* («Дионисий, как неоплатоник, знает о том, что путь теоретического абстрагирования не выводит разум за его собственные пределы» (ЮЧ, с. 141)), унаследованная от неоплатоника Дамаския.

Ю.П. Черноморец остроумно подмечает, что иерархическая система Ареопагита представляет собой по существу развитие *платоновского учения о разумной душе*. Дионисий наделяет чины небесной и церковной иерархий мудростью, мужеством и смирением – характеристиками платоновской разумной души, сами же иерархии строятся по образцу платоновского идеального государства. Таким образом, система Ареопагита, наполненная новым христианским содержанием, органично «вырастает» из почвы классического платонизма.

На неоплатонической основе базируется и *антропология* Корпуса: «Дионисий игнорирует учение об исключительном статусе человека, которое развивали каппадокийцы. <...> Религиозный идеал человека Дионисий фактически заменяет философским. А потому человеческим достоинством и святостью в системе неоплатонизма Ареопагитик обладают не рыцари веры, а философы-мистики. <...> Неоплатонизм Ареопагитик может быть лишь апологией человеческого достоинства интеллектуальной элиты» (ЮЧ, с. 121).

С этим связан и неоплатонический характер *этического учения* Ареопагитик, в которых обнаруживается «трансформация концепций платонизма о четырёх добродетелях... Дионисий даёт морально-философскую интерпретацию жизни “верных” в таинствах Церкви, создавая христианско-неоплатоническую этику» (ЮЧ, с. 99). В качестве этического идеала выступает у Ареопагита нравственно совершенный философ-епископ, наделённый способностью созерцать и провозвещать истину.

Неоплатоническим считает Черноморец *отношение* Дионисия к Церкви: «Дионисий не толкует Церковь как Тело Христово или как новое человечество во Христе. Он характеризует Церковь как иерархию людей, которые передают “единую” деятельность Бога» (ЮЧ, с. 136). Как следствие – *невнимание* автора Корпуса к *догматическим вопросам* христианства, более того: «Существование Божией сущности, догматизированное Никейским и Халкидонским соборами, Дионисий недвусмысленно отрицает. Существование Трёх Ипостасей в Ареопагитиках постулируется как элемент вероучения, который невозможно доказать философски или богословски» (ЮЧ, с. 99). Перечисленные выше неоплатонические черты творений Дионисия можно в целом признать объективно наличествующими, если сделать оговорку о том, что Ареопагит отрицает скорее не «существование Божией сущности», а существование возможности познания, осмысления этой сущности человеком.

Сравнивая неоплатонические и христианские черты в Ареопагитиках, Черноморец во многих случаях утверждает превосходство неоплатонизма. Он возмущённо пишет о неправомерных стараниях христианских теологов «рехристианизировать» учение Дионисия, который, по мнению украинского богослова, «редуцировал значение таинств до элементарных положений философско-мистической этики неоплатонизма», а попытки «вернуть этим теориям полноценное

христианское содержание являются вмешательством догматики в сферу вольного философского мышления и, следовательно, представляют собой методологически ошибочные интерпретации» (ЮЧ, с. 101).

В корне неоплатонической считает Черноморец Дионисиеву интерпретацию таинств Крещения и Евхаристии, ибо Ареопагит видит в них лишь символику, изображённую в терминах платоновско-плотиновских структурных схем («Евхаристия в изложении Дионисия – не койнония верных и не реальное причастие Богу, а только символ духовных процессов. <...> Поскольку Дионисий признаёт Евхаристию только как символ духовного единства личности, его теория противоречит ортодоксии» (ЮЧ, с. 102)).

На наш взгляд, это лишь одна из возможных интерпретаций ареопагитизма. Вряд ли стоит подвергать серьёзному сомнению христианский фундамент учения Дионисия. Более вероятно предположение о том, что автор Корпуса просто не ставил перед собой задачу изложить во всей полноте принципы христианского вероучения. Его целью могло быть, к примеру, описание таинств только с точки зрения их соответствия платоническим представлениям о законах мироустройства, которые вовсе не обязательно должны противоречить представлениям христианским. Именно синтез (и весьма плодотворный) названных представлений имел место на заре христианской мысли, что и даёт нам право употреблять термин *христианский неоплатонизм*.

Заметим, что Черноморец обнаруживает у Дионисия и специфические христианские черты, противоречащие неоплатонической позиции. В частности, для Ареопагита характерно представление о *разуме как субъекте познания Божества* в отличие от традиционных неоплатонических представлений о превосходящих разум генадах («единое» человека), способных познавать всеобщее Единое («У Дионисия же Единое познаёт сам разум» (ЮЧ, с. 95); «отрицание пантеистической гносеологии обоженного разума Дамаския является принципиальным для Дионисия как христианина» (ЮЧ, с. 113)).

В вопросах эсхатологии Дионисий также разделяет христианскую позицию, опровергая традиционное неоплатоническое мнение о невозможности телесного воскресения: «Дионисий придерживается ортодоксального учения, согласно которому должны воскреснуть именно те тела, какие люди имели в этой жизни, а люди будут членами Тела Христова. Ареопагит резко критикует тех мыслителей, которые не признают воскресение тел, полагают, что бессмертия заслуживает лишь душа» (ЮЧ, с. 106).

Что касается эманации как неоплатонической версии возникновения мира, то и в этом вопросе Ареопагит, по мнению Черноморца, излагает всё же христианское учение о сотворении мира из ничего, хотя и делает неоплатонический акцент на последнем элементе «эманационной» триады *пребывание – исхождение – возвращение*: учение о «возвращении» в Ареопагитиках «становится фундаментом для этики, гносеологии, антропологии, ангелологии. Таинства и обряды Церкви являются символами этапов возвращения разумной души к Богу-Первопричине – возвращения онтологического и этического, а не мистериального и мистического» (ЮЧ, с. 107).

Черноморец категоричен в суждениях о платонических корнях Ареопагита: «Фактически в своей философской теологии Дионисий изменяет в сравнении

с Платоном лишь несколько тезисов. То, что у Платона было Благом, в Ареопагитиках интерпретируется как Живая Первопричина, Бог-Деятель. То, что у Платона было светом идей, понимается Дионисием как деятельность Бога, в том числе и Его мышление» (ЮЧ, с. 112). Однако, по мнению украинского богослова, учение Ареопагита обладает одной яркой новаторской чертой: от метафизики каузальности Платона – Плотина Дионисий переходит к антиметафизике апофатизма («Радикальность теории Дионисия как раз и заключается в отрицании существования свойств у Бога-Деятеля» (ЮЧ, с. 112)).

Наряду с апофатичностью Единого существует ещё одна апофатичность – «непознаваемость Божией деятельности, вытекающая из её бесконечности и конечности субъекта познания» (ЮЧ, с. 113–114). Данное учение Дионисия своей идеей о принципиальном отсутствии познаваемых разумом божественных свойств разрушает всю стройную метафизическую систему предшественников-неоплатоников, что и даёт право Черноморцу называть это учение антиметафизическим. Это отличительное свойство Ареопагитик выделяет их из всей неоплатонической традиции: «Платонизм, античный неоплатонизм и паламизм учат, что, отстранившись от созерцания мира, людской разум может созерцать Божественную деятельность или Божественные идеи. Платонизм и неоплатонизм утверждали также, что созерцание Божественной деятельности (идей) присуще каждому, кто отстранился от созерцания мира. Дионисий учит, что Бог не имеет такой светоносной деятельности, направленной на людской разум “непосредственно”» (ЮЧ, с. 114). Именно это учение о невыразимости Первопричины (собственно «ареопагитизм») украинский исследователь считает первым типом византийского неоплатонизма.

Важно подчеркнуть, что большим достоинством монографии Черноморца является то, что автор очень убедительно и аргументированно говорит о платонических корнях Дионисиевой системы, наглядно показывая, как глубоко связаны и структура, и содержание Корпуса с платоновским учением о разумной душе и идеальном государстве. Однако не меньшей заслугой украинского богослова следует признать характеристику специфического, христианского (монофизитского?) неоплатонизма, радикально отличающего Дионисия от предшествующей неоплатонической традиции. По нашему мнению, вопрос об антиметафизичности Ареопагитик можно считать открытым, но «радикальная апофатика» как яркая специфическая черта этого учения, безусловно, отделяет его от учений предшественников и даёт возможность характеризовать его как новый тип христианского неоплатонизма.

Черноморец отмечает: «Особенно важным является доказательство в Ареопагитиках того, что Бог не может быть определён как Единое. Ведь античные неоплатоники считали Первоначалом всего именно Единое. Согласно Дионисию, Бог сам по себе является Деятелем, а единство – свойство Его деятельности... Дионисий развивает учение о единстве Божией деятельности в русле собственного неоплатонизма» (ЮЧ, с. 125–126). Этот «собственный неоплатонизм» оказывается, по мнению Черноморца, не только преодолением античной традиции с её учением о Едином, эманации, метафизике Абсолюта и т. п., но и обособлением от христианской догматики и мистики «при его верности в целом христианскому и общерелигиозному мировоззрению» (ЮЧ, с. 127). Ведь Ареопагит

не переходит от незнания к мистическому знанию, не предлагает положительного опыта богопознания. Он деконструирует метафизику божественных свойств, отрицая то, что «для христиан является неотъемлемой частью их вероучения – доктрину единой сущности Бога, признание того, что Добро и Любовь – сущностные свойства Бога» (ЮЧ, с. 134).

Думается, что и в данном случае следует провести грань между отрицанием самой сущности и отрицанием возможности познания сущности, то есть между онтологическим и гносеологическим аспектами. Всё сказанное об антиметафизике Ареопагита справедливо, если принимать во внимание только процесс богопознания: проникновение в тайну божественной сущности действительно представляется Дионисию недоступным для ограниченных познавательных возможностей человека. Однако это вовсе не означает, что эта сущность отрицается как таковая. Просто называется она «человеческими» словами, символически выражающими её невыразимую глубину.

Обобщим размышления о концепции Ю.П. Черноморца. По нашему мнению, в словах украинского исследователя много справедливого, однако необходимо сделать следующие замечания.

Во-первых, неоплатонизм как таковой весьма неоднороден, поэтому, говоря о неоплатонических чертах Ареопагитик, следует чётко различать как минимум: а) наследие собственно Платона, его учения, активно интерпретировавшегося всей неоплатонической мыслью; б) наследие языческого позднеантичного неоплатонизма (развитие идей Прокла, Дамаския). То, что можно назвать «собственным неоплатонизмом» Дионисия, давшим начало первому типу «византийского платонизма», является, по сути, производным от двух названных источников и представляет собой не что иное, как сплав неоплатонической терминологии с христианским содержанием. Действительно, Ареопагит употребляет, скажем, понятие *Единое*, эманационную триаду и пр., но можно ли говорить, что он разработал учение о Едином или об эманации? Его учение, как это прекрасно демонстрирует Черноморец, опровергает соответствующие неоплатонические представления. Если Дионисий платоновское *Благо* называет *Богом*, значит ли это, что он остаётся в плену языческих воззрений? Разумеется, это предположение было бы абсурдным.

Во-вторых, следует заметить, что отсутствие проработки в Ареопагитиках каких-либо аспектов христианской догматики ещё не может свидетельствовать о том, что автор Корпуса эти аспекты отрицает. Так, Черноморец упоминает, что в Корпусе «вообще нет никакого философского осмысления христологии и триадологии» (ЮЧ, с. 133) или что «совсем не знает Дионисий и центрального для христианской теологии и философии учения про личностную любовь Божиих Ипостасей – как между собой, так и по отношению к сотворённому Ими» (ЮЧ, с. 134). Однако из этого, думается, нельзя делать вывода о том, что Дионисий – противник данных богословских учений, сводящий «на нет» христианскую догматику. Ведь трактат, посвящённый определённой теме, одному аспекту, не может (и не должен) охватывать со всех сторон доктрину, фрагмент которой в нём рассматривается.

Наконец, в-третьих, упомянем, что оценки самого Ю.П. Черноморца бывают порой противоречивыми, не до конца последовательными. С одной стороны,

он пишет про «радикальное отрицание Дионисием догматов христианства» (ЮЧ, с. 127) и т. п., а с другой – утверждает, что создание Ареопагитик было «сознательной и удачной попыткой основать традицию христианского неоплатонизма» (ЮЧ, с. 48). Безусловно, традиция христианского неоплатонизма не может основываться на отрицании догматов христианства, деконструкции основных его положений!

В целом же идеи современного украинского исследователя заслуживают особого внимания в силу их новаторского характера, смелости, научной плодотворности, что не подлежит сомнению. Остаётся надеяться, что неординарный и серьёзный труд Ю.П. Черноморца найдёт дорогу и к русскому читателю, которого интересует Corpus Areopagiticum и его судьба в христианской культуре.

Summary

S. V. Shkuro. Dionysius the Areopagite in the Concept of Yuri Chernomorets.

The article presents a critical analysis of the hypothesis of the modern Ukrainian theologian and philosopher Yuri Chernomorets, regarding the identity of Dionysius the Areopagite and his theological teaching. A conclusion is made that Y. Chernomorets's concept is original, innovative and at the same time not devoid of a number of debatable points. Differentiation between ontological and epistemological aspects allows clarifying the Ukrainian researcher's assumption on the anti-metaphysical nature of areopagitism.

Keywords: philosophy and theology of the Middle Ages, Christian Neo-Platonism, areopagitism, Dionysius the Areopagite, Corpus Areopagiticum, Yuri Chernomorets.

Источник

ЮЧ – *Черноморець Ю.П.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопагіта до Геннадія Схоларія. – Київ: Дух і Літера, 2010. – 568 с. – URL: http://theology.in.ua/php_uploads/files/articles/ArticleFiles_45560_Chornomorec-monografiya.pdf, свободный.

Литература

1. Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 40: Pseudo-Dionysius Areopagita. Über die Mystische Theologie und Briefe / Hg. von A.M. Ritter. – Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 1994. – 228 S.
2. *Лосский В.Н.* Боговидение. – М.: АСТ, 2006. – 759 с.
3. *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя; Изд-во Олега Абышко, 2002. – 854 с.
4. *Карпенко О.* «Византийское богословие от Дионисия Ареопагита до Геннадия Схолария» Юрия Черноморца // Научный богословский портал Богослов.ru. – 2011. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1556874/index.html>, свободный.

Поступила в редакцию
06.02.13

Шкуро Сергей Викторович – кандидат богословия, заведующий кафедрой богословия и философии, Казанская духовная семинария, г. Казань, Россия.

E-mail: schkuro@yandex.ru